

Аркадий Аверченко

БЕРЕГОВ — ВОСПИТАТЕЛЬ КИСИ

I

Студент-технолог Берегов — в будущем инженер, а пока полуголодное, но весёлое существо — поступил в качестве воспитателя единственного сына семьи Талалаевых.

Первое знакомство воспитателя с воспитанником было таково.

— Кися, — сказала Талалаева, — вот твой будущий наставник, Георгий Иванович, — познакомься с ним, Кисенька... Дай ему ручку.

Кися — мальчуган лет шести-семи, худощавый, с низким лбом и колючими глазками — закачал одной ногой, наподобие маятника, и сказал скрипучим голосом:

— Не хочу! Он — рыжий.

— Что ты, деточка, — засмеялась мать. — Какой же он рыжий?.. Он — шатен. Ты его должен любить.

— Не хочу любить!

— Почему, Кисенька?

— Вот ещё, всякого любить.

— Чрезвычайно бойкий мальчик, — усмехнулся Берегов. — Как тебя зовут, дружище?

— Не твоё дело.

— Фи, Кися! Надо ответить Георгию Ивановичу: меня зовут Костя.

— Для кого Костя, — пропищал ребёнок, морща безбровый лоб, — а для кого Константин Филиппович. Ага?..

— Он у нас ужасно бойкий, — потрепала мать по его острому плечу. — Это его отец научил так отвечать. Георгий Иванович, пожалуйста пить чай.

За чайным столом Берегов ближе пригляделся к своему воспитаннику: Кися сидел, болтая ногами и бормоча про себя какое-то непонятное заклинание. Голова его на тонкой, как стебелёк, шее качалась из стороны в сторону.

— Что ты, Кисенька? — заботливо спросил отец.

— Отстань.

— Видали? — засмеялся отец, ликующе оглядывая всех сидевших за столом. — Какие мы самостоятельные, а?

— Очень милый мальчик, — кивнул головой Берегов, храня самое непроницаемое выражение на бритом лице. — Только я бы ему посоветовал не болтать ногами под столом. Ноги от этого расшатываются и могут выпасть из своих гнёзд.

— Не твоими ногами болтаю, ты и молчи, — резонно возразил Кися, глядя на воспитателя упорным, немигающим взглядом.

— Кися, Кися! — полусмеясь-полусерьёзно сказал отец.

— Кому Кися, а тебе дяденька, — тонким голоском, как пичуга, пискнул Кися и торжествующе оглядел всех...

Потом обратился к матери:

— Ты мне мало положила сахару в чай. Положи ещё.

Мать положила ещё два куска.

— Ещё.

— Ну, на тебе ещё два!

— Ещё!..

— Довольно! И так уже восемь.

— Ещё!!

В голосе Киси прозвучали истерические нотки, а рот подозрительно искривился. Было видно, что он не прочь переменить погоду и разразиться бурным плачем с обильным дождём слёз и молниями пронзительного визга.

— Ну, на тебе ещё! На! Вот тебе ещё четыре куска. Довольно!

— Положи ещё.

— На! Да ты попробуй... Может, довольно?

Кися попробовал и перекосясь на сторону, как сломанный стул.

— Фи-и! Сироп какой-то... Прямо противно.

— Ну, я тебе налью другого...

— Не хочу! Было бы не наваливать столько сахара.

— Чрезвычайно интересный мальчик! — восклицал изредка Берегов, но лицо его было спокойно.

II

За обедом Берегов первый раз услышал, как Кися плачет. Это производило чрезвычайно внушительное впечатление.

Мать наливала ему суп в тарелку, а Кися внимательно следил за каждым её движением.

— На, Кисенька.

— Мало супу. Подлей.

— Ну, на. Довольно?

— Ещё подлей.

— Через край будет литься!..

— Лей!

Мать тоскливо поглядела на сына, вылила в тарелку ещё ложку и, когда суп потёк по её руке, выронила тарелку. Села на своё место и зашипела, как раскалённое железо, на которое плюнули.

Кися всё время внимательно глядел на неё, как вивисектор на расчленяемого им в целях науки кролика, а когда она схватилась за руку, спросил бесцветным голосом:

— Что, обожглась? Горячо?

— Как он любит свою маму! — воскликнул Берегов. Голос его был восторженный, но лицо спокойное, безоблачное.

— Кися, — сказал отец, — зачем ты выкладываешь из банки всю горчицу... Ведь не съешь. Зачем же её зря портить?

— А я хочу, — сказал Кися, глядя на отца внимательными немигающими глазами.

— Но ведь нам же ничего не останется!

— А я хочу!

— Ну, дай же мне горчицу, дай сюда...

— А я... хочу!

Отец поморщился и со вздохом стал деликатно вынимать горчицу из цепких тоненьких лапок, похожих на слабые коготки воробья...

— А я хо... хо... ччч...

Голос Киси всё усиливался и усиливался, заливаемый внутренними, ещё не нашедшими выхода слезами; он звенел, как пронзительный колокольчик, острый, проникающий иголками в самую глубину мозга... И вдруг — плотина прорвалась, и ужасные, непереносимые человеческим ухом визг и плач хлынули из синего искривлённого рта и затопили всё... За столом поднялась паника, все вскочили, мать обрушилась на отца с упрёками, отец схватился за голову, а сын камнем свалился со стула и упал на пол, завыв протяжно, громко и страшно, так, что, кажется, весь мир

наполнился этими звуками, задушив все другие звуки. Казалось, весь дом слышит их, вся улица, весь город заметался в смятении от этих острых, как жало змеи, звуков.

— О, Боже, — сказала мать, — опять соседи прибегут и начнут кричать, что мы убиваем мальчика!

Это соображение придало новые силы Кисе: он уцепился для общей устойчивости за ножку стола, поднял кверху голову и завыл совсем уже по-волчьи.

— Ну, хорошо, хорошо уж! — хлопотала около него мать. — На тебе уж, на тебе горчицу! Делай, что хочешь, мажь её, молчи только, моё золото, солнышко моё. И перец на, и соль — замолчи же. И в цирк тебя возьмём — только молчи!..

— Да-а... — протянул вдруг громогласный ребёнок, прекращая на минуту свой вой. — Ты только так говоришь, чтоб я замолчал, а замолчу, и в цирк не возьмёшь.

— Ей-Богу, возьму.

Очевидно, эти слова показались Кисе недостаточными, потому что он помолчал немного, подумал и, облизав

языком пересохшие губы, снова завыл с сокрушающей силой.

— Ну, не веришь, на тебе три рубля, вот! Спрячь в карман, после купим вместе билеты. Ну, вот — я тебе сама засовываю в карман!

Хотя деньги мать всунула в карман, но можно было предположить, что они были всунуты ребёнку в глотку — так мгновенно прекратился вой.

Кися, захлопнув рот, встал с пола, уселся за стол, и всё его спокойно-торжествующее лицо говорило: «А что — будете теперь трогать?..»

— Прямо занимательный ребёнок, — крикнул Берегов. — Я с ним позаймусь с большим удовольствием.

III

В тот день, когда Талалаевы собрались ехать к больной тётке в Харьков, Талалаева-мать несколько раз говорила Берегову:

— Послушайте! Я вам ещё раз говорю — вся моя надежда на вас. Прислуга — дрянь, и ей нипочём обидеть ребёнка. Вы же, я знаю, к нему хорошо

относитесь, и я оставляю его только на вас.

— О, будьте покойны! — добродушно говорил Берегов. — На меня можете положиться. Я ребёнку вреда не сделаю...

— Вот это только мне и нужно!

В момент отъезда Кисю крестила мать, крестил отец, крестила и другая тётка, ехавшая тоже к харьковской тётке. За компанию перекрестили Берегова, а когда целовали Кисю, то от полноты чувств поцеловали и Берегова:

— Вы нам теперь как родной!

— О, будьте покойны.

Мать потребовала, чтобы Кися стоял в окне, дабы она могла бросить на него с извозчика последний взгляд.

Кисю утвердили на подоконнике, воспитатель стал подле него, и они оба стали размахивать руками самым приветливым образом.

— Я хочу, чтоб открыть окно, — сказал Кися.

— Нельзя, брат. Холодно, — благодушно возразил воспитатель.

— А я хочу!

— А я тебе говорю, что нельзя... Слышишь?

И первый раз в голосе Берегова прозвучало какое-то железо.

Кися удивлённо оглянулся на него и сказал:

— А то я кричать начну....

Родители уже садились на извозчика, салютуя окну платком и ручным саквояжем.

— А то я кричать начну...

В ту же секунду Кися почувствовал, что железная рука сдавила ему затылок, сбросила его с подоконника, и железный голос лязгнул над ним:

— Молчать, щенок! Убью, как собаку!

От ужаса и удивления Кися даже забыл заплакать... Он стоял перед воспитателем с прыгающей нижней челюстью и широко открытыми остановившимися глазами.

— Вы... не смеете так, — прошептал он. — Я маме скажу.

И опять заговорил Берегов железным голосом, и лицо у него было железное, твёрдое:

— Вот что, дорогой мой... ты уже не такой младенец, чтобы не понимать. Вот тебе мой сказ: пока ты будешь делать всё по-моему, я с тобой

буду в дружеских отношениях, во мне ты найдёшь приятеля... Без толку я тебя не обижу... Но! если! только! позволишь! себе! одну! из твоих! штук! — я! спущу! с тебя! шкуру! и засуну! эту шкуру! тебе в рот! Чтобы ты не орал!

«Врёшь, — подумал Кися, — запугиваешь. А подниму крик, да сбегутся соседи — тебе же хуже будет».

Рот Киси скривился самым предостерегающим образом. Так первые редкие капли дождя на крыше предвещают тяжёлый обильный ливень.

Действительно, непосредственно за этим Кися упал на ковёр и, колотя по нему ногами, завизжал самым первоклассным по силе и пронзительности манером...

Серьёзность положения придала ему новые силы и новую изощрённость.

Берегов вскочил, поднял, как пёрышко, Кисю, заткнул отверстие рот носовым платком и, скрутив Кисе назад руки, прогремел над ним:

— Ты знаешь, что визг неприятен, и поэтому работаешь, главным образом, этим номером. Но у меня есть свой номер: я затыкаю тебе рот, связываю